

Начало жизни

1

По казанскому тракту, обсаженному березами, шли трое. Двое из них, здоровые, широкоплечие, - стражники в синих мундирах, вели молодую девушку, босую, с непокрытой головой, в домотканом синем платье.

Девушке на вид лет двадцать. Красивое лицо ее бледно, словно росток, поднявшийся в темноте; высокий лоб прорезан тонкими морщинами, - видимо, она уже испытала горе: глаза черные, словно смородина, горят ненавистью. Губы плотно сжаты.

Конвоиры зорко следили за девушкой. Но она не обращала на них внимания. На берегу большой реки все трое сели отдохнуть. За рекой зеленели хлебные поля, разбитые на тысячи мелких полосок; за ними, почти на горизонте, подернутом синеватой дымкой, были разбросаны деревни. Девушка впилась глазами в уходящую даль. Там, за темной тесемкой дубовой рощи, приютилась родная чувашская деревушка.,,

Сама того не заметив, девушка глубоко вздохнула. Сердце ее больно сжалось. Она взглянула на стражника, который развалился на траве, сопя и пошевеливая усами, и у нее внезапно вспыхнуло желание хоть чем-нибудь досадить своим конвоирам. Она вскочила на ноги, выпрямилась и запела звонко, сильно:

Ой, да ветры дуют, ветры свищут.

Тучи черные несут,..

Не успела девушка допеть первую строфу, как стражники поднялись с травы.

- Ну, молчать! Пошли вперед! - скомандовал один.

- Нельзя петь! - крикнул другой, толкнув арестованную.

Но девушка будто не слышала. Закинув голову, она запела еще звонче.

- Молча-ать! - один из конвоиров схватился за нагайку, прицепленную к поясу.

Девушка даже головы не повернула и с вызовом продолжала:

Желтенький цветочек в саду
Повял от осенних морозов;
Русый парень, добрый молодец,
Отдал жизнь за народное дело...

- Бунтарские песни! - Лицо конвоира исказилось, и он изо всех сил хлестнул девушку по плечу нагайкой.

Девушка вздрогнула от боли, с ненавистью и презрением взглянула на своего мучителя, сжала зубы и, опустив голову, молча и быстро пошла вперед. Конвоиры шагали рядом с ней. На пыльной дороге оставались отпечатки тяжелых сапог с железными подковами, а между ними следы маленьких босых ног.

2

...Тихо, незаметно наступает теплая летняя ночь. Бледнеет закат, сереет небо, темнота сгущается и покрывает черным шелком весь мир. В небе ярко загораются звезды, они перемигиваются, дразня друг друга, будто играя в прятки. Встает полная луна: она поднимается все выше и выше, заливая сонную землю бледным светом и зорко высматривая ночные хороводы парней и девушек.

Ну как удержишься в такие ночи, чтобы не выйти на улицу, не участвовать в общем веселье? Кто усидит дома? Все девушки, все парни сейчас на играх... Вот они встали в круг, взялись за руки, полились песни, началась пляска. По вековому обычаю, в свободное время все веселятся, играют и пляшут.

Но главной хороводницы и певуньи - Ульяны не видно сегодня на играх. В своей лачужке, приютившейся на самом краю деревни, ведет она печальную беседу с матерью. Сестренка Ульяны сладко спит на широкой лавке у двери.

В избе душно, темно. Где-то за печкой надсадливо трещит сверчок.

- Эх, доченька, - вздыхает мать. - Добрый дух Пюлехсе не сберег твоего отца. Был бы он жив, мы бы так не мучались. Вот отцовский надел передали Салагаевскому хутору. Как будем жить теперь?..

- Не горюй, мама, - успокаивает ее Ульяна. - Лишь бы здоровы были. Будем батрачить - жать, косить, молотить, авось, проживем не хуже других.

- Эх, доченька, доченька, легко сказать... Вот и сегодня приходили сборщики подати взыскивать. Где возьмем столько денег?

Ульяна вздрогнула, горячая слеза капнула на ее руку. Она обняла мать, крепко прижалась к ней.

- Не плачь, мама, не плачь, Я не жалея сил буду работать. Ни дня не будем сидеть голодными... успокойся, не плачь.

Но ласковые слова дочери еще сильнее растрожили мать. Она не выдержала и заплакала навзрыд.

- Ах, доченька! Почему тебя бог не сделал мужчиной?,,

В самое сердце ранили Ульяну слова матери. Девушка тоже залилась безудержными слезами.

- Ох, мамочка, мамуся! Так зачем же тогда ты родила меня на белый свет? Где начало, где конец этой горькой доли?..

- Ну ладно, перестань плакать, доченька. - Мать, сдерживая себя, принялась утешать дочь. - Жизнь, она, доченька, без начала и без конца. Не мы одни терпим на свете муки. Воля Пюлехсе такова, а ее никто не смеет нарушить. На роду, видно, так написано нам.

- Нет, мама! Бог всех сделал одинаковыми: ни лучше, ни хуже друг друга. Бог не велел отнимать у нас и передавать Салагаевскому хутору землю отца, погибшего на войне!

Ульяна не успела досказать то, что хотела. Кто-то постучал в окошко.

- Эй, Ульяна! Дома? - послышался девичий голос, - что же ты паришься в избе? Без тебя ни игра, ни пляска не клеятся. Идем в хоровод!

- Ну, ну, хватит, доченька, довольно... вон, зовут тебя, соберись да ступай, - ласково сказала мать,

Ульяна вытерла заплаканные глаза платком, наскоро причесалась и вышла на улицу.

Не успели они дойти до хоровода, как Ульяну со всех сторон

обступили подруги и парни,

- Вот и Ульяна явилась!

- А мы-то еще ни одной песни толком не спели!

- Сюда, сюда, Ульяна!

- Ой, Ульяна, не ходи к парню в сапогах - беды не оберешься!

- Говорят, у собаки богача хвост крючком!

Смех и шутки сверстниц и парней быстро разогнали печаль Ульяны.

Она встала в хоровод между подружками и залилась звонкой песней:

Заколола я гуся, да заколола я гуся

Во березовом логу. -

Ай, да не сочтите воровкой!

Запою я звонки песни, запою я песни.

Ах, не сочтите меня бойкой!

Подхваченная десятками девичьих голосов, прокатилась песня с нижнего конца деревни до самых дальних переулочков. Молодежь плавно двигалась по кругу. Ульяна запевала все новые и новые песни, остальные подтягивали ей. Скоро она совсем успокоилась, забыла горе и вся отдалась веселью.

Поет, шумит, водит хороводы молодежь. Далеко разносятся веселые песни.

На верхнем конце деревни тоже собрался свой хоровод. За околицей, на лугах, раскинувшихся между деревней и Салагаевским хутором, в прохладном ночном воздухе ясно слышится другая песня.

Вот молодой мужской голос затянул какой-то незнакомый мотив. Ульяна тотчас узнала запевалу: это Вазюк. Она прислушалась, затаив дыхание. Первый куплет она поняла хорошо, но тут запели хором, и девушка не разобрала слов. Она разорвала хоровод и вышла на середину круга.

- Что ж, подруженьки, мы все топчемся на месте? Слышите, турикасинцы поют новые песни. Пойдемте к ним, послушаем!

Быстро составили общий хоровод. Теперь круг намного расширился, да и песни полились веселее и звонче.

Ульяна издали следила за Вазюком. Его лицо, озаренное бледным лунным светом, было печально, хоть он и старался казаться веселым. Ульяне хотелось сказать ему что-нибудь ласковое, теплое, но неудобно было расстроить хоровод.

После полуночи стало прохладнее. По небу поплыли густые облака, в которых, точно золотая утка в сказочном молочном озере, ныряла яркая луна. Настало время расходиться по домам. Гармошка умолкла. Ульяна и ее подруга Санюк взялись за руки и завернули в переулок, чтобы выйти на главную деревенскую улицу. Но пройдя несколько шагов, Ульяна внезапно остановилась.

- Погоди, Санюк, постоим немного.

- Ты что. ждешь кого? - спросила с недоумением подруга.

- Слышишь шаги? Не наши ли девушки? - ответила Ульяна.

Шаги приближались, в темноте показались две тени. "Должно быть, Вазюк идет", - подумала Ульяна, чувствуя, как забилося у нее сердце,

- О чем размышляли, красавицы? - окликнул их чей-то голос, И сын богача-хуторянина Элезюк, поравнявшись с девушками, остановился. С ним был какой-то незнакомый парень. Или не нашли себе парней по душе? Так мы с удовольствием проводим вас.

- Зубы обломаете! - сердито отрезала раздосадованная Ульяна.

- Не раскусив орешка, как узнать, обломаем зубы или нет? Ну-ка попробую.,,

Элезюк подхватил Ульяну под руку. Девушка вывернулась и с силой оттолкнула его,

- И не приставай лучше! - крикнула она. - Ястреб лебедю не пара.

- Ого, высоко ты летаешь, Ульяна! Только на какой сучок сядешь?

- Да уж на забор вашего хутора не сяду, - И Ульяна, отвернувшись, быстро пошла вперед,

- А что сделаешь, если насильно усадим? - спросил задетый за живое Элезюк. Он вместе с приятелем шел, не отставая от девушек ни на шаг, -

Орлы высоко летают, да и то охотники ощипывают им крылья.

- Губы еще не обсохли, а туда же тянешься, - насмешливо бросила ему бойкая на язык Ульяна,

Не ответь так она, быть может, Элезюк и отстал бы от нее. Но не таков он был, чтобы спокойно перенести девичью издевку. Точно взбесившись, бросился он к Ульяне, обхватив ее за талию, ловко вскинул на плечи и кинулся с ней в темный овраг, куда спускался переулочек.

- Спаси-ите! - закричала Ульяна, что есть мочи. Санюк бросилась было выручать подругу, но второй парень, точно клещами, схватил ее за плечо и крепко зажал рот ладонью.

- Спаси-ите! - снова донесся приглушенный крик со дна оврага. И тут кто-то вихрем промчался мимо Санюк в овраг. Оттуда послышались возня и глухие удары. Раздался голос Вазюка:

- На тебе, собака! Получай!

Приятель Элезюка, догадавшись, что происходит, бросил девушку и кинулся на помощь.

Оставшись одна, Санюк растерялась, но через минуту тоже была на краю оврага. Элезюк с приятелем успели схватить Вазюка за обе руки и пытались повалить его.

- Что же смотришь, Ульяна? Камнем их, камнем по голове, - крикнула Санюк подруге.

Но в этот момент Вазюк круто повернулся, и парни отлетели в сторону.

- Ну-ну, попробуйте еще. пиявки! Головы размозжу обоим! - крикнул он, сжимая кулаки и тяжело дыша.

Видя, что им не одолеть разъяренного парня, Элезюк с приятелем молча скрылись в темноте.

- Не хвались, Вазюк, Попадешься еще! - донесся издали голос Элезюка, в котором чувствовалась бессильная злоба.

Вазюк предложил девушкам проводить их домой,

- Эх, Ульяна, ведь этот хомяк чуть не утащил тебя к себе в нору, -

сказал он, улыбаясь,

- Ну, я ни за что бы не далась им живою! И так всю морду Элезюка до крови исцарапала. Небось, надолго отбила охоту приставать, - ответила Ульяна, благодарно глядя на спутника.

У крыльца Вазюк и Ульяна распрощались с Санюк, а сами уселись на бревнах, под одинокой березой, сиротливо росшей перед избушкой Ульяны. Они молчали, взволнованные и смущенные. Из-за облаков временами выглядывала полная луна и освещала их молодые лица. При лунном свете Вазюк и Ульяна почему-то стеснялись смотреть друг на друга, но стоило луне скрыться за тучи, как взгляды юноши и девушки невольно скрещивались.

Как приятно было сидеть рядом с Ульяной и безмолвно гладить ее теплые руки! Вот он осторожно обнял ее.

- Не трогай, Вазюк... Не нужно... - сказала она, отстранив его руку.

- Не бойся, Ульяна, - тихо ответил Вазюк, - я не обижу тебя.

Они снова помолчали, прислушиваясь к ночной тишине и не находя слов, которые могли бы передать то, что они оба испытывали.

- Вазюк, от кого ты слышал новую песню? - вспомнила Ульяна.

- Это которую я давеча пел в хороводе? Давным-давно ее часто пел один ссыльный, студент, - задумчиво ответил Вазюк.

Ульяна вздохнула и прижалась к нему тесней.

Чувство любви похоже на легкое дыхание ветерка в знойный летний день: никак не угадаешь, с какой стороны дует. А ветерок все же есть: он мягко целует щеки, колышет листья деревьев, ласкает цветы и травы. Так и сердце Ульяны сладко замирало после той ночи, когда она сидела рядом с Вазюком на бревнах. Наутро ей все казалось, что чего-то не хватает.

- Что ты какая нынче скучная? - неожиданно спросила у нее сестренка,

- Да нет, чего мне скучать? - возразила Ульяна, а сама вспыхнула.

Только она села вышивать, в окно постучал десятник и позвал на сход. Ульяна побежала на огород.

-Мама, на сход зовут! - крикнула она матери, половшей картошку.

- Куда уж мне, я вся запачканная, Сходи, послушай, - сказала мать.

Ульяна, как была, босая, с непокрытой головой, пошла на сход.

Люди собирались у маленькой караулки посреди деревни. Большой частью это были мужчины. Ульяна посмотрела по сторонам, но ни одной сверстницы не нашла. Тогда она скромно встала поодаль от толпы, в тени старой ивы.

Но вот шум и говор стихли; появился старшина, упитанный и важный, в суконном кафтане, с большой медной медалью на груди. За ним шли стражники в мундирах со светлыми пуговицами и с шашками и низенький, толстенький староста, поглаживавший свою козлиную бородку. Они прошли вперед и уселись за стол, вынесенный из караулки. Старшина расправил окладистую черную бороду и подал рукой знак.

- Ну, народ! - пренебрежительно обратился староста к крестьянам. - Мы собрали вас вот по какому делу. У кого подати не уплачены? Сегодня последний срок. Видите, к нам приехали уж из волостного правления. Кто не уплатит сегодня, у того придется заклад забирать. Понятно?

Легкий ропот пробежал по толпе, но никто слова не промолвил. Крестьяне молчали и ждали, что еще скажет начальство.

- Кто не уплатит, у того заклад заберем... Понятно, я спрашиваю? - повторил староста, обведя толпу кошачьими глазами.

- Известное дело... Велит закон - придется платить, ничего не поделаешь, - послышался из задних рядов чей-то не то серьезный, не то насмешливый голос.

- Пусть платят те, кому есть чем платить. А с нас - взятки гладки! - прозвучал другой голос, юношеский и задорный.

Ульяна взглянула в ту сторону и среди молодежи верхнего конца деревни увидела Вазюка.

- Ну, кто там кричит? Выходи! - снова крикнул староста, бегая глазами по лицам крестьян. Толпа заколыхалась, зашумела.

- 0-го-го! Народ не обязан платить за нищих! - кричали богатеи, стоящие в передних рядах.

- Мы давным-давно расплатились!

- Ишь, точно псы бездомные, привыкли жить на даровщинку!

Желая водворить тишину и порядок, староста высоко поднял зеленую папку и потряс ею. Но возбужденные люди не обратили внимания на этот жест, шум усиливался.

- Молчать! - старшина вскочил на ноги.

Староста вытащил из папки большой лист бумаги, испещренный фамилиями должников.

- Тише, люди! Тише! Сейчас сами прочтем, кто сколько должен. Понятно? - крикнул он, передавая список старшине.

Слова старосты успокоили собравшихся быстрее, чем окрики и угрозы. Все притихли.

- Читай! - приказал старшина подбежавшему к нему писарю.

Сухощавый писарь с веснушчатым лицом надел очки и тоненьким, женским голосом принялся читать: «Торбун Леонтий должен три рубля и тридцать семь копеек... Ванька Кузнец - два рубля. Сурьков Кузьма - рубль сорок копеек... Вдова солдата Василия - два рубля семьдесят две копейки... Архип Рукавицы и... гм... три рубля...

Ульяна услышала о долге "вдовы солдата Василия", и в груди у нее защемило. Тут кто-то крикнул басом:

- Врешь! Только третьего дня внес рубль!

- И за мной не должно быть недоимки... Они в свой карман кладут! - перебил молодой голос.

Ульяна взглянула на Вазюка. Он размахивал руками, что-то объяснял товарищам.

- Кто там мутит народ? Выходи сюда! - багровея, грозно закричал старшина.

Толпа заволновалась, словно разбушевавшееся море. Рассекая руками

людские волны, выступил вперед Вазюк. Сердце Ульяны забилося, точно птица в силке.

- Это я говорил! - заявил Вазюк с гордо поднятой головой. - Вы сами мутите народ, а не я! Старшина взглянул на стражника, и тот, мгновенно поняв этот взгляд, схватил нагайку и хлестнул Вазюка по голове.

- А-а, бунтовать!

В задних рядах вскрикнула женщина. Но Вазюк и глазом не моргнул, бледный, страшный, он придвинулся к стражнику вплотную и обеими руками рванул на себе домотканую рубаху.

- Ну, бей! Еще раз ударь! Но смотри, как бы и тебе не попало...

Стражник вновь замахнулся. В тот же миг Вазюк, точно кошка, прыгнул и вцепился ему в горло.

Вихрь всегда налетает неожиданно-негаданно. Налетит и все, что попадается на пути, - пыль, сор, деревья, крыши, - срывает с места и уносит с собой. Точно также мгновенно забушевал деревенский сход. Стоявшие впереди богачи дружно набросились на Вазюка. Они смяли его, опрокинули на землю, принялись топтать и бить, чем попало. Но тут сзади кинулись выручать Вазюка парни и мужики. Через несколько минут драка стала всеобщей. Увидев, что дело приняло серьезный оборот, старшина и писарь схватили свои бумаги и мгновенно куда-то исчезли. Староста последовал за ними. Лишь стражник, растерявшись, вытащил из ножен шашку и, беспомощно размахивая ею, пытался успокоить разгневанный народ.

Жестокая рукопашная схватка разгорелась между богачами и беднотой. Мелькали кулаки, трещали рубахи, клочьями летели волосы.

В конце концов победителями оказались друзья Вазюка. Крепко побитые богатеи разбежались. Воодушевленные успехом победители схватили стражника, отняли у него шашку и поломали на куски, а самого, намяв ему бока, погнали по деревне под общий хохот, свист и улюлюканье.

Израненного и окровавленного Вазюка товарищи отнесли домой и уложили в постель.

Над деревней сгустились свинцовые тучи. Вдалеке загрохотал гром.

Едва ночь прикрыла землю темным пологом, какой-то человек вышел из деревни и торопливо зашагал по дороге, ведущей к Салагаевскому хутору.

Минут через пятнадцать он подошел к избе и постучал в темное окно.

- Кто там? - слышался изнутри сонный голос,

- Я... Дома Элезюк?

- Митя, это ты?

- Выйди на минутку.

Дверь открылась, и Элезюк, зевая и почесываясь, выглянул на улицу.

- Что ты, как волк, бродишь по ночам? - недовольно спросил он, - Что случилось?

- Поговорим лучше в избе.

- Что ж, идем...

Оба парня прошли в заднюю горницу и, не зажигая огня, уселись рядом.

- Знаешь, Вазюк попался, - шепотом сказал Митя. - Ведь он первым поднял руку на стражника. Старшина уж знает, что он за птица.

Седлай, брат, коня и дуй в волость. Тогда и Ульяна будет в твоих руках...

Когда заливались утренние петухи, какой-то всадник вихрем пронесся по пыльной дороге...

4

Громадная пасека Салагаевского хутора расположена на большой поляне у опушки леса. Бесперывно гудят пчелы, перелетая с цветка на цветок, собирают невидимый человеку вкусный мед.

Сто тридцать ульев на этой пасеке. Сто тридцать пчелиных семей выполняют работу, которая не под силу ни одному человеку.

Есть у пчел свой хозяин - семидесяти летний дедушка Федот. Он прекрасно понимает, о чем жужжат пчелы, летя за взятком. Да и пчелы его отлично знают. Они садятся ему на руки, на нос. изредка даже запутываются в его седой, как лен, бороде, но никогда не жалят старого пасечника.

Зиму и лето носит дед все одну и ту же измызганную шубенку, на ногах у него разномастные валенки - заплатка на заплатке. И все возится со своими пчелами и живет по поговорке: есть - так на меду, нет - так на воде.

Два парня в гостях сегодня у дедушки Федота: сын хозяина Элезюк и его приятель Дмитрий. Старый пасечник достал для них трехлетнюю карчаму-медовуху и нарезал тепленького сотового меду.

- Кушайте, пейте на здоровье, добры молодцы! Не забывайте дедушку Федота.

Молодые гости, чокаясь желтыми ковшами, попивают сладкую да крепкую медовуху дедушки Федота и жадно едят сотовый мед, хватая его с тарелки прямо руками.

Без устали угощает дед молодых гостей, да никак не может угодить им.

- Эй, старик, нечего морочить нам голову! - командует охмелевший Элезюк, - Ставь на стол водку! Не видишь, кто с тобой говорит?

- Не обессудьте уж, сыночки, - ласково уговаривает старик пьяных, обнаглевших парней. - Рад бы, да негде достать сегодня.

- Что? Что сказал? - крикнул Элезюк и схватил дедушку Федота за седую бороду. - Смотри у меня, скупердяй, живо намну бока! Беги в казенку!

- Ну-ну, не чуди, сынок... Неужели недовольно того, что на столе? И так ты уж, слава богу, еле держишься на ногах, - сказал старик, с трудом скрывая недовольство.

- Кто еле держится? Это ты шатаешься, скупердяй! - Элезюк захохотал и тяжело ударил деда по морщинистому лицу.

У старика искры из глаз посыпались. Но он ни слова не сказал, молча повернулся и пошел к двери. Выйдя из омшаника, понутив голову, направился проторенной тропинкой в деревню. Ветер трепал его седые волосы и бороду. Раскаты грома все приближались, гулко отдаваясь в лесу.

В омшанике было душно, несмотря на открытую настежь дверь. На столе валялись недоеденные куски сотового меда, облепленные мухами и

пчелами. Пчелы старались скорее собрать свое богатство и снова отнести в улей.

Мохнатенькая золотистая пчелка, отделившись от других, уселась на ячейку, наполненную медом до краев. Элезюк ярко-красным огоньком окурка вдавил пчелку в мед и сквозь зубы плюнул через стол.

- Митя, а Митя! Друг я тебе или нет? - пробормотал он заплетающимся языком.

- Конечно, друг.

- Так помоги же мне справиться с Ульяной...

- Э-эх, дружище! Говорят, трудно поймать лошадь, гуляющую без уздечки... Да ладно уж, для тебя постараюсь. Только помни; сухая ложка рот дерет...

- Что ты. Митя! Ничего не пожалею. - Т-только помоги ты мне, научи, что делать..

- А ты сначала долг уплати. Потом уж поговорим об Ульяне.

- Какой долг, Митя? - не понял Элезюк.

Приятель зашептал ему что-то на ухо. Элезюк откинулся назад и расхохотался:

- Не знаю, кто поймал его в силок. Не я ли?

- Да если бы я не научил, Вазюк и нынче стоял бы поперек твоей дороги, - сказал приятель. - Коли так, то делай, как сам знаешь, - продолжал он с обидой в голосе. - Я тебе не помощник.

Дмитрий встал и направился к двери. Элезюк схватил его за рукав и усадил на место,

- Ты что, думаешь, у меня ничего нет? На, смотри... Видишь?,, - и Элезюк вытащил из кармана целую пачку кредиток.

Глаза Дмитрия загорелись, он протянул руку за деньгами. Но Элезюк сунул кредитки в карман и пальцами, измазанными в меду, щелкнул друга по носу.

- Вот тебе за Вазюка. Хватит? А за Ульяну получишь двадцать пять

рублей... Только когда дело будет сделано, слышишь? Эх, Митя, Митя! Друг я тебе или нет?

- Ну, конечно, друг...

- Дай руку!

И ошалелые от медовухи парни облобызались. В этот миг сверкнула молния и оглушительно ударил гром. Оба обернулись к окну.

- Буря идет, Митя. Закрой-ка, - пробормотал в суеверном страхе Элезюк.

Дмитрий ответил не сразу. Он высунулся в окно и прислушался.

- Нет, брат, не только гром! Слышишь, и соловей заливается, - ответил он.

- Где?

- А вот послушай.

Элезюк тоже подошел к окну. Сквозь яростный шум ветра слышался вдали девичий голос;

Ветры о буре нам говорят.

Грома раскати грозно гремят.

Так греми ж. гром, сильней.

Буря, грянь поскорей.

Все смети, - уничтожь ты тюрьмы-темницы.

Ветром относило слова песни, но Дмитрий все же успел их расслышать и даже понял, кто пел.

- Скоро буря налетит, Элезюк!

Он захлопнул окошко.

На секунду в омшанике стало тихо. Слышно было только, как завывает ветер и как борются с бурей деревья, скрипят стволы - точно лес скрежещет зубами.

Хмель все больше овладевал Элезюком. Покрасневшие глаза сами собой закрывались, и не было сил противиться дремоте. Крепкую же медовуху приготовил дедушка Федот!

Дмитрий потряс ослабевшего приятеля за плечо;

- Ну, парень! С трех стаканов не можешь стоять на ногах. А еще - жениться! Где уж тебе Ульяну!

Элезюк с трудом приподнял голову и пробормотал:

- Ничего, Митя, наша будет! А будет у нас - и ты не пропадешь...

В чаще снова, уже совсем близко, послышалась песня.

- Слышишь? - Дмитрий ткнул локтем приятеля. - Хорошо поют соловьи в бурю!

- Соловьи? - переспросил Элезюк, глядя мутными, непонимающими глазами.

- Эх, дуралей ты. дуралей! И этого не понимаешь? Выкладывай деньги на кон. Сию же минуту Ульяна будет твоей!

- На, получай! - разом придя в себя. Элезюк швырнул на стол несколько смятых кредиток.

Дмитрий взглянул в окно и увидел, что мимо самого омшаника, под проливным дождем, идет босоногая девушка в домотканом платье.

Забыв о деньгах, он мигом выскочил за дверь. Ярko блеснула молния, и сильный раскат грома потряс землю.

Вместе с шумом лесной грозы за омшаником раздались крики девушки.

Через минуту Дмитрий втащил и бросил на земляной пол отчаянно отбивавшуюся, насквозь промокшую Ульяну,

- На, получи, Элезюк, свою красавицу! - крикнул он, - Мое дело сделано! - и быстро подошел к столу.

Возвращаясь к себе в омшаник, дедушка Федот был сильно расстроен. Сердце у него ныло, будто предчувствуя что-то неладное. Несмотря на усталость, старик спешил домой, задыхаясь и выбиваясь из сил.

Дождь лил как из ведра, ветер больно бил в лицо, рвал бороду деда, ветхая шубенка промокла насквозь. Чтобы легче было идти, старик снял намокшие пудовые валенки и зашагал босиком, неся их в руках. Всякий раз, когда вспыхивала молния, он крестился и бормотал про себя какой-то заговор. То и дело путь пасечнику преграждали кусты шиповника, но он все

шел, пробираясь сквозь колючие ветки. Какие-то неясные чувства, - то ли обиды и гнева, то ли боязни за омшаник, оставленный на произвол пьяных парней, - гнали его вперед,

"Э, торопись, старик! Опоздаешь!"

Охваченный тревогой, дедушка Федот быстрее засеменял старыми ногами.

Он вспомнил, как глумился над ним Элезюк, как ударил его, и горечь жгла грудь старика. За всю жизнь его никто никогда пальцем не тронул, а тут - хозяйский сын надругался над ним.

Совершенно обессиленный, добрался, наконец, дед до своего омшаника. Толкнулся в дверь, она оказалась запертой. Старик прислушался: внутри кто-то еле слышно стонал.

- Откройте! - крикнул дедушка Федот и постучал кулаком в дверь. - Откройте, водку принес!

Старик всей тяжестью навалился на дверь, и деревянный запор с треском отвалился. Навстречу старику поднялась с полу истерзанная Ульяна,

- Ах, дедушка, дедушка! - зарыдала она, закрыв лицо руками. - Что бы тебе прийти пораньше.,.

Только взглянул дед на Ульяну, помятую, точно затоптанный цветочек, да на Элезюка, который стоял поодаль, - и сразу понял, что здесь произошло. Глаза его налились кровью, сами собой сжались кулаки.

С бутылкой в правой руке, наклонившись вперед, он медленно подошел к Элезюку.

- На, принес, - сказал он, задыхаясь, и поднес бутылку к самому носу парня. - Вот. купил на последние гроши. По копейке собирал себе на гроб...

Но едва Элезюк потянулся к бутылке, старик отдернул руку назад и изо всей силы ударил парня бутылкой по виску.

- На, подавись!

Бутылка разлетелась вдребезги. Элезюк покачнулся и замертво свалился у ног старика.

В омшаник вбежал Дмитрий,

5

Точно пьяная, шатаясь, шла Ульяна с пасеки. Ей казалось, что ее выкупали в вонючем болоте. До сих пор на ней не было ни пятнышка, теперь же ее сломали и втоптали в грязь.

Босая, с непокрытой головой, брела Ульяна по темному лесу между мокрыми от дождя деревьями. Когда задевала за сучья, на нее градом сыпались холодные капли. Но она не замечала этого, отупевшая и равнодушная ко всему.

- Стыд-то какой! - бормотала она, ломая руки - Как снести такой позор? Как показаться людям, матери? Кому я теперь нужна?

Ульяне мерещилось, что деревья, протягивая черные, страшные когти, стараются охватить ее. Где-то далеко за оврагом прокричала сова. Мурашки пробежали по спине девушки.

- Куда же я иду? - вдруг встрепенулась Ульяна. - Счастье свое ищю или горе? Что ж, счастье мое уже отняли и опутали цепями, всю душу опоганили... Осталась я на свете одна-одинешенька. Нет больше моего Вазюка. Налетели злые ястребы и утащили, словно цыпленка... Пострадал он за народ. Связали ему руки на спине и, будто вора, увезли из деревни... Для чего теперь мне жить?

Ульяна оглянулась по сторонам и рядом с собой, под суковатым вязом, заметила в темноте высокий пенек.

Она вскочила на пенек, торопливо сняла с себя свитый веревочкой пояс и дрожащими руками сделала петлю. Привстав на цыпочки, привязала другой конец к толстому суку. На секунду закрыла глаза.

Только хотела Ульяна накинуть петлю себе на шею, как из-за облаков выплыла луна и залила всю поляну голубоватым светом.

Ульяна открыла глаза, чтобы в последний раз взглянуть на мир. И вдруг ей вспомнилась песня, которую она пела, идя по лесу, песня Вазюка. Она вздрогнула, будто просыпаясь от тяжелого сна. "Что я делаю?.. Разве

надо мной только издеваются? Для чего же я сама наложу руки на себя?”

Сжав зубы, она с силой дернула пояс и, оборвав его, бросила прочь. Нет, она не хотела умирать!

Не только свой позор она вспомнила в этот миг, но и несчастье, постигшее Вазюка, и землю отца, отнятую хуторянами, и нужду односельчан. Как живые, встали перед ее глазами толстомордый старшина и стражник, горячая схватка бедноты с богачами, окровавленный, лежащий на земле Вазюк.

Руки Ульяны сжались в кулаки:

- Отомщу, за всех отомщу!

Далеко в чаще деревьев брезжил слабый огонек. То светилося окно омшаника. Подойдя к нему, Ульяна осторожно заглянула в маленькое оконце. Внутри никого не видно, “Должно быть, ушли”, - подумала Ульяна. Она вошла в омшаник и остолбенела: дедушка Федот, весь опухший, с синяками на лице, лежал на скамье и тяжело стонал. Ульяна подошла к нему, нагнулась:

- Дедушка, и тебя избили?

- Да, доченька, уж не встану больше... Все кости переломали, - с трудом проговорил старик.

- Дедуся, спички бы мне.

- Спички?.. Вон там, в печурке, возьми, - ответил дедушка Федот и застонал. - Да, доченька, надругались над стариком, проклятые...

...Скоро над сараями Салагаевского хутора показалось яркое пламя, и взъерошенная грива дыма поднялась по темному небу.

- Пожар!.. Горим!.. - прорезали воздух дикие вопли хуторян, внезапно разбуженных среди ночи и в одном белье выскочивших на улицу.

- Гляди, вон там кто-то удирает!

- Лови его, держи!..

Ульяна шла между конвоирами, не опуская головы. Дорожная пыль клубилась под ногами. Навстречу попадались медленно движущиеся возы и запыленные пешеходы. Они останавливались и с жалостливым любопытством смотрели вслед девушке. Вдали показалась лошадь, везущая телегу, на которой находилось что-то, прикрытое старой рогожей.

- Эй, бери правее! - крикнул вознице один из конвоиров, когда подвода поравнялась с ними. Но пожилой крестьянин, понуро сидевший, свесив ноги, на телеге, даже не взглянул на него. Раздосадованный конвоир стегнул по лошади нагайкой. Испуганная кобыла, откинув голову, резко свернула в сторону, но возница тут же остановил ее, крепко натянув вожжи.

- Побойтесь греха, - укоризненно сказал он конвоирам. - Что над мертвым издеваетесь? Лучше шапки бы сняли.

- Что за человек? Куда везешь? - спросил один из стражников.

- А ну, покажи! - приказал другой и, подойдя к телеге, сдернул рогожку. Ульяна взглянула и вскрикнула. Ноги у нее подкосились и помертвев от ужаса, она с плачем рухнула на безжизненное тело:

- Вазюк!

- Откуда везешь? - спросил возницу усатый конвоир, не обращая внимания на отчаянье девушки.

- В уездной тюрьме сдали... Будто повздорил с начальством. Не захотел, вишь, чтобы в кандалы заковали. Вот и прошибли голову, царство ему небесное.

Внезапно Ульяна перестала плакать. Казалось, напряженьем всех душевных сил она переборола свое горе. Она поправила спутавшиеся волосы Вазюка, на которых запеклась кровь, и, нагнувшись, поцеловала холодные, неподвижные губы.

- Ну-ну, шагай! Разнюнилась! - нетерпеливо крикнул конвоир. - И тебе будет тот же конец.

Ульяна оглянулась на него. Ее заплаканные глаза вспыхнули огнем ненависти.

- Врешь, неправда! - воскликнула она звенящим голосом. - Это не конец, это начало моей жизни!

Тукташ, И. Начало жизни / И. Тукташ ; перевод Н. Данилова // Чувашская литература : хрестоматия для X-XI классов школ с многонациональным составом учащихся и русских национальных школ / авт.-сост. В.Н. Пушкин. – Чебоксары, 1997. – Ч. I. – С. 251-264.